

19. *Ostrovskih P. E.* K voprosu o naselenii Tajmyrskogo poluostrova (po povodu stat'i B. O. Dolgih) // Sev. Azija. 1929. № 2. S. 77–82.
20. *Popov A. A.* Materialy po rodovomu stroju dolgan // SE. 1934b. № 6. S. 116–139.
21. *Popov A. A.* Tehnika dolgan // SE. 1937a. № 1. S. 91–135.
22. *Popov A. A.* Semejnaja zhizn' u dolgan // SE. 1946. № 4. S. 50–74.
23. *Popov A. A.* Materialy po istorii religii jakutov b. Viljujskogo okruga // SMAE. 1949. T. 11. S. 255–323.
24. *Popov A. A.* Kochevaja zhizn' i tipy zhilishch u dolgan // SES. M.; L., 1952. T. 1. S. 142–172.
25. *Popov A. A.* Dolgany // Narody Sibiri. M.; L.: Nauka, 1956. S. 742–759.
26. *Popov A. A.* Perezhitki drevnih doreligioznych vozzrenij dolgan na prirodu // SE. 1958a. № 2. S. 77–99.
27. *Popov A. A.* Kollekcii po material'noj kul'ture dolgan v MAE // SMAE. M.; L., 1958b. S. 5–121.
28. *Prytkova N. F.* Odezhdha chukchej, korjakov i itel'menov // Material'naja kul'tura narodov Sibiri. L.: Nauka, 1976. S. 5–88.
29. *Radlov V. V.* Opyt slovarja tjurkskih narechij. SPb., 1893–1911. T. 1–4.
30. *Seroshevskij V. L.* Jakuty: Opyt etnograficheskogo issledovanija. M.: ROСПJEN, 1993. T. 1. 713 s.
31. *Simchenko Ju. B.* Nganasanskije ornamenti // SE. 1963. № 3. S. 166–171.
32. *Smoljak A. V.* Tradicionnoe hozjajstvo i material'naja kul'tura narodov Nizhnego Amura i Sahalina: Etnogeneticheskij aspekt. M.: Nauka, 1984. 245 s.
33. *Snesarev G. P.* Relikty domusul'manskih verovanij i obrjadov u uzbekov Horezma. M., 1969. 335 s.
34. *Strelov E. D.* Odezhdha i ukrashenija u jakutki v polovine XVIII veka // SE. 1937. № 2–3. S. 74–99.
35. *Tugolukov V. A.* Sledopyt verhom na olenjah. M.: Nauka, 1969. 215 s.
36. *Tugolukov V. A.* Idushchie poperek hrebtov. Krasnojarsk: Kn. izd-vo, 1980. 183 s.
37. *Fedorova E. G.* Istoriko-etnograficheskie ocherki material'noj kul'tury mansi. SPb.: Izd-vo MAE, 1994. 284 s.
38. *Shatinova N. I.* Sem'ja u altajcev. Gornoaltajsk, 1981. 183 s.

H. E. Горюшкина

ПОЧЕМУ ДАЛИ «ВОЛЬНУЮ» ПИТИЯМ? К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ ВИННОЙ РЕФОРМЫ 1861 г.

Статья посвящена одному из слабо изученных аспектов истории «Великих реформ» — винной реформе 1861 г. Автор исследует причины отмены откупов, экономический и общественный фон намечающегося преобразования. Особое внимание уделено работе комиссий по выработке проекта винной реформы.

Ключевые слова: «Великие» реформы, либерализация, питейный сбор, винный откуп, акцизная система.

N. Goryushkina

WHY WAS «FREEDOM» TO SPIRITS GIVEN? TO THE ISSUE OF PREPARING THE «WINE REFORM» OF 1861

The paper is devoted to one of the little-known aspects of the history of the “Great reforms” — the alcohol reform of 1861. The reasons of farming revenues abolition, economic and social background of the taking shape reorganization are investigated. A special consideration is given to activities of commissions which worked out the project of alcohol reform.

Keywords: “Great reforms”, liberalization, spirit’s tax, spirit’s farming, the system of excises.

Изучение Великих реформ имеет богатую историографическую традицию, но реформа 1861 г., преобразовавшая наиболее важный для России источник дохода — налог с питейной торговли, исследовалась крайне ограниченно. «Фискальные реформы такого рода, — писал американский историк Д. Крисчн, — далеко не самое захватывающее историческое событие, а когда они к тому же представляются столь эфемерными, то могут просто „затеряться“» [5, с. 127].

Ряд существенных аспектов питейного преобразования либо не рассматривался авторами, либо освещался в рамках исследований на более общие темы. К числу очевидных пробелов в изучении винной реформы следует отнести вопросы: об основаниях отмены откупов, о деятельности комиссий по составлению нового законоположения, об обстоятельствах, сопутствующих законотворческому процессу. Процесс подготовки винной реформы станет предметом рассмотрения в данной статье.

Как известно, вскоре после отмены крепостного права, 4 июля 1861 г. было опубликовано Положение, согласно которому с 1 января 1863 г. вводилась новая — акцизная — система взимания налога с питей. Резонанс крестьянской реформы был настолько велик, что намечавшееся налоговое преобразование выглядело событием незначительным. Но всякий мало-мальски разбиравшийся в государственных финансах сознавал существенность и рискованность прavitельственного шага [11].

Во-первых, уничтожался старинный откупной порядок — тому, кто вносил в казну большую сумму, передавалось право сбора налогов и пошлин, в число которых попал сбор с питей. Удобство транспортировки, концентрация большой ценности товара в малом объеме, легкость деления и сбыта, отсутствие проблемы хранения сделало алкоголь идеальным средством обложения, к концу XVIII в. питейный сбор превзошел своей величиной все отдаваемые на откуп

статьи. Винный откуп фактически стал синонимом всей откупной системы, а слово «откупщик» воспринималось не иначе, как «винный откупщик».

Во-вторых, винное преобразование ставило под удар самый существенный источник государственного бюджета. Ни один из налогов не поступал в казну «с такой определенностью, исправностью и удобностью», как питейный сбор [7, с. 110]. С 1767 по 1863 г. винный откуп обеспечивал 33% государственных доходов, превосходя поступления от прямых налогов — подушной подати и оброка с государственных крестьян. В 1850-е гг. эта цифра выросла почти до 38%, заметно контрастируя с другими налогами, которые во времена и после Крымской кампании снизились или перестали расти [4, с. 3].

В-третьих, коренным образом изменялась сущность налога с алкоголя. Вся прежняя история сбора зиждилась на регальном праве казны на торговлю крепкими напитками, передаваемом в арендное содержание. Предмет потребления обложению никогда не подлежал, хотя производство его было стеснено запрещением продажи не иначе, как в казну или откупщикам. Винной реформой вводилась западная модель организации сбора, в основе которой лежал тезис о свободе оборота питей — алкоголь, оплаченный акцизом при выходе из рук производителя, не должен был подвергаться стеснительным мерам в дальнейшем своем движении.

Насколько применима акцизная система к российским условиям, только предстояло выяснить, но власть после многих лет колебаний решила — таки уничтожить винно-откупную систему.

Главная причина недовольства высшей администрации существованием откупа заключалась в ускользании во все более увеличивающихся размерах от государственного налогообложения доходов от питейных сборов. Самые осторожные расчеты показывали, что откупщики, платившие казне в

конце 1850-х гг. по 124,5 млн руб. в год, получали ежегодную прибыль в 600–780 млн руб.: четверо из них имели годовой доход более 5 млн руб., четверо — более 1 млн руб., тридцать — от 500 тыс. до 1 млн руб., доход 85 откупщиков составлял от 100 тыс. руб. до 500 тыс. руб. [12, с. 264].

Кроме этих потерь государственный бюджет нес убытки из-за откупных недоимок. С 1827 по 1859 г. за откупщиками великороссийских губерний скопилась задолженность в сумме 14,8 млн руб. Откупщики, как правило, добивались рассрочки недоимки на 10, 12 или 20 лет без начисления процентов с ежегодной скидкой в 6% при уплате задолженности ранее льготных сроков, а затем погашали долг, наживая на том немалые капиталы: при 1 млн руб. недоимок, рассроченных на 20 лет и оплаченных сразу, действительная плата равнялась 490 тыс. руб. [12, с. 265]

Неудобства откупной системы заключались в неуклонном росте потребления алкоголя населением, что возбуждало жалобы «на распространение между крестьянами пьянства, с которыми соединены разврат, картежная игра, бродяжничество, совершенное расстройство домохозяйства и нищета» [13, т. 1, с. 98]. При исследовании причин такого явления выяснялось, что, с одной стороны, откупные условия постоянно увеличивавшимися поощрениями способствовали распространению мест продажи питей, с другой — откупщики дополняли «попущения» откупных условий своими злоупотреблениями.

Серьезную обеспокоенность у правительства вызывала и широкомасштабная коррупция, порожденная винным откупом. Многолетние попытки поставить винную торговлю на «моральную почву» оказывались тщетными. Чем строже становилось питейное законодательство, тем больших размеров достигали взятки «толкователям» законов. В 1859 г. на подкуп «агентов власти» тратилось не менее 14,1 млн руб. «Под гипнозом всемогущей взятки чиновники

вовсе „не имели смотра“ за питейной торговлей и свободно допускали всякие плутни»: торговля велась по завышенной цене, в долг, под заклад вещей, за отработки [6, с. 13]. Продавцы спиртного не гнушались обмером, «рассиропкой», введением одурманивающих веществ. В розничной продаже 1/5 часть ведра водки на деле оказывалась обычной водой. В последние откупные годы при заводской цене водки в 40–45 коп. за ведро продажная цена доходила до 10–12 руб., а распивочно — до 20 руб. [9, с. 233–234].

Увеличение цен на алкоголь имело для русского крестьянина такие же серьезные последствия, как если бы повысились основные налоги или оброк. Единичные протесты против откупного произвола, характерные для начала 1850-х гг., переросли осенью 1858 г. в массовое трезвенное движение. «Сотни тысяч народа в каких-нибудь пять-шесть месяцев, без всяких предварительных обсуждений и прокламаций, в разных концах обширного царства отказались от водки», — так описывал начало движения за трезвость Н. А. Добролюбов [2, с. 283]. В мае 1859 г. начались погромы питейных заведений, расправы со служащими по откупной части, столкновения с полицией и брошенными для подавления «беспорядков» карательными отрядами [15, с. 123–124].

В этой обстановке к работе приступил Особый комитет, учрежденный при Министерстве финансов для изыскания «целесообразной» замены откупам. Не ставя под сомнение (во всяком случае, открыто) необходимость реформы как таковой, Комитет предложил в качестве альтернативы откупам акцизную систему с казенным управлением, но определенного мнения о сроках введения акциза не представил. Чрезвычайно размытое в формулировках заключение Комитета отодвигало винное преобразование на неопределенный срок [13, т. 1, с. 37].

Однако гласность решения питейного вопроса отрезала правительству путь к от-

ступлению. Откупа подверглись критике со стороны «Полярной звезды», «Голоса из России», «Колокола» А. И. Герцена и Н. П. Огарева, органа западников «Русского вестника», умеренно-либерального журнала «Атеней», славянофильских журналов «Русская беседа» и «Сельское благоустройство» и проч. Тон задавал журнал «Современник», где ведущие позиции занимали Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. В опубликованных в 1858–1859 гг. статьях «Откупная система», «Винный акциз», «О распространении трезвости в России» звучало требование немедленной отмены откупов.

В поддержку винной реформы выступила «та же группа участников», что обсуждала проект реформы крестьянской. По свидетельству П. П. Семенова (Тян-Шанского), председатель Редакционных комиссий по крестьянским делам Я. И. Ростовцев «хотел взяться сам за ее осуществление, но, удержанный благоразумными советами, отложил эту попытку». В феврале 1860 г., умирая, он заручился обещанием Александра II поставить винную реформу «на очередь немедленно по освобождении крестьян» [10, с. 220].

Император, верный слову, потребовал активности в решении питейного вопроса. Обсуждение реформы было передано в департамент законов Государственного совета. По личной просьбе убежденного сторонника отмены откупов великого князя Константина Николаевича во главе Особого комитета встал статс-секретарь департамента законов А. П. Заблоцкий-Десятовский.

Ближайший сподвижник министра государственных имуществ П. Д. Киселева, человек государственного ума и огромной целеустремленности А. П. Заблоцкий начал работу с подготовки справки «О главных основаниях взимания питейных сборов». Архивные материалы Министерства финансов и других ведомств касательно питейных откупов были обработаны в течение четырех месяцев и стали основой представлен-

ных на рассмотрение департамента государственной экономии, а затем общего собрания Государственного совета «Сведений о питейных сборах».

«Сведения» обнажили финансовую и нравственную порочность винных откупов, что склонило на сторону реформы консервативно настроенное большинство общего собрания Государственного совета. По результатам состоявшихся 3 и 8 октября 1860 г. заседаний было составлено заключение: «Оставление после 1862 г. настоящей откупной системы в каком бы то ни было виде будет иметь неминуемым последствием увеличение связанных с нею злоупотреблений, терпеть которые было бы несовместимо ни с достоинством, ни с обязанностью правительства» [13, т. 5, с. 45–48].

Государственный совет поддержал предложение о замене откупа акцизом, полагая, что свободный оборот алкоголя «устранит все стеснительные меры и все бесполезные формальности, не потребует ограничений в правах владельцев имений по содержанию заводов, не стеснит ни народной промышленности, ни издавна введенного и необходимостью вынужденного порядка хозяйства и охранит ценность дворянских имений, не причинит казне излишних расходов для взимания налога, не подвергнет народ без всякой пользы для казны тем тягестям и притеснениям, которые неразлучны с системой откупов, не оставит дохода казны в гадательном положении и уменьшит число случаев к злоупотреблениям» [13, т. 5, с. 126–127].

26 октября 1860 г. «коренные начала» реформы были утверждены Александром II.

В ноябре 1860 г. при Министерстве финансов была создана Особая комиссия, занявшаяся детальной разработкой условий питейного положения. Лидером законодательной деятельности стал ранее возглавлявший Особый комитет А. П. Заблоцкий-Десятовский. Под его руководством работали: от Министерства финансов — П. И. Голубев, А. Де Роберти, П. Д. Кисилев, И. А. Ган,

А. М. Княжевич; от Министерства внутренних дел — А. К. Гирс; от Министерства государственных имуществ — П. С. Кондырев; от Министерства уделов — Н. Н. Тютчев; от Военного министерства — А. Д. Крылов. В комиссию вошли М. Х. Рейтерн, Н. И. Стояновский, К. И. Домонтович, А. А. Абаза, Н. П. Семенов, А. И. Кошелев и Ю. А. Гагемейстер. В качестве экспертов были приглашены академики А. Я. Купфер, Э. Х. Ленц, Ю. Ф. Фрицше, Б. С. Якоби, преподаватель Санкт-Петербургского технологического института Н. П. Ильин, а также помещики, винокуренные и пивоваренные заводчики, механики [14, с. 71–72].

Членом комиссии был и самарский губернатор К. К. Грот, административные способности которого получили высочайшую оценку А. П. Заблоцкого. Председатель Особой комиссии рекомендовал К. К. Грота в качестве директора департамента разных податей и сборов, и 1 января 1861 г. назначение состоялось [10, с. 220].

Работа над проектом «Положения о питейном сборе» продолжалась с декабря 1860 г. по апрель 1861 г., в мае — июне 1861 г. проект был передан на обсуждение департамента государственной экономии и общего собрания Государственного совета. Окончательный вариант его был высочайше утвержден 4 июля 1861 г. [11].

В соответствии с «Положением» питейный налог должен был поступать в казну в виде акциза с 1° или 0,01 части ведра безводного спирта, патентного сбора с заводов, «выделяющих напитки и изделия из спирта и вина», и заведений, из которых производится продажа питей. Каждый вид подакцизных товаров готовился особыми заводами, устройство и способ производства которых сложно регламентировался, так как именно размер произведенного алкоголя определял количество денег в российской казне. Продажа спиртного разрешалась из специализированных заведений с разными видами торговли (распивочно, на вынос и в комбинации) при условии платы за пользо-

вание принадлежащей казне регалии. Ограничительные условия и нормы в отношении питейной торговли не были жесткими и имели целью создание определенного порядка в реализации социально опасного продукта. Для надзора над поступлением питейного сбора учреждалось акцизное управление с привлечением в него исключительно честных и благонадежных чиновников [8].

Между К. К. Гротом и министром финансов А. М. Княжевичем «с самого начала произошли размолвки», а формирование акцизного корпуса расстроило отношения окончательно. Министр финансов, имевший большой круг друзей, пообещал многим из них места в губернских акцизных управлениях. Директор департамента находил, что «отрекомендованные министром кандидаты не представляют достаточно гарантий для удачного ведения дела», и подал в отставку. Но прошение К. К. Грота не было удовлетворено. Тогда А. М. Княжевич сложил с себя звание министра финансов, и его место занял М. Х. Рейтерн [3, с. 181–182].

Несмотря на обнародование «Положения о питейном сборе», откупщики, в том числе В. А. Кокорев, И. В. Мамонтов, Д. Е. Бенардаки, предприняли отчаянные усилия к сохранению откупа. Сначала они предложили взятку в размере 1 млн руб. главному организатору акцизного дела К. К. Гроту, но он оказался неподкупен [1, с. 771]. Тогда ими был предложен проект «агентства по питейной части» и «товарищества для устройства железных дорог». Первое брало на себя обязательство управлять оптовой торговлей вином «с отдачей казне высоких сумм», второе обещало без государственных субсидий построить 2800 верст железной дороги [3, с. 176]. У весьма привлекательного проекта была негативная сторона — он имел целью сохранить откупную систему. Отклонение предложения «откупной партии» стало личной заслугой К. К. Грота и М. Х. Рейтерна, к мнению которых Александр II прислушался.

1 июня 1862 г. на проект откупщиков легла высочайшая резолюция: «Объявить им, что проект их решительно отвергается, и Моя неперменная воля состоит в том, чтобы утвержденная мною новая акцизная система была введена с 1 января 1863 г.» [6, с. 27]. Судьба реформы была решена.

Забегая вперед, скажем, что переход к новой системе сбора с алкоголя был проведен без каких-либо неблагоприятных последствий для финансов. Питейный сбор продолжил «первенствовать» в доходах казны, обеспечивая финансовую стабильность правительства в период ускоренной промышленной модернизации. Винная реформа высвободила огромные средства для более продуктивного капиталовложения: откупные накопления были направлены в такие важные для страны отрасли, как банковское

дело, железнодорожное строительство, грузовые перевозки, нефтяные промыслы и т. д. Реформа 1863 г. имела большие последствия и для развития правопорядка: она положила конец практике систематической коррупции, связанной с винным откупом. Обман и коррупция в виноторговле стали лишь одной из возможных коммерческих стратегий, но больше не являлись неотъемлемой частью всей системы. Реформа внесла ощутимые перемены в привычные для губернских чиновников порядки, способствовала укоренению в сознании мысли о необходимости соблюдения законов. И наконец, винная реформа 1861 г. знаменовала собой переход российского общества к более современным формам государственного устройства, по крайней мере, в фискальном отношении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джанишев Г. А. Эпоха великих реформ. Исторические справки. СПб., 1907. 855 с.
2. Добролюбов Н. А. Народное дело. Распространение обществ трезвости. Собр. соч.: В 3 т. М., 1986. Т. 2. 814 с.
3. Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель (12 января 1815 — 30 октября 1897): Материалы для его биографии и характеристики: В 3 т. Пт., 1915. Т. 1. 446 с.
4. Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков и 50-летия деятельности учреждений, заведывающих неокладными сборами. 1863–1913. СПб., 1913. 295 с.
5. Крисчн Д. «Забытая реформа»: отмена винных откупов // Великие реформы в России. 1856–1874: Сборник / Под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 126–139.
6. Лебедев В. А. Питейное дело. СПб., 1898. 106 с.
7. Министерство финансов. 1802–1902: В 2 т. СПб., 1902. Т. 1. 640 с.
8. Положение о питейном сборе, Высочайше утвержденное 4 июля 1861 г. СПб., 1862. 160 с.
9. Пыжов И. Г. История кабаков в связи с историей русского народа. Казань, 1913. 285 с.
10. Речь П. П. Семенова на праздновании XXXVII годовщины освобождения крестьян // Русская старина. 1898. № 4. С. 217–223.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 574. Оп. 1. Д. 30. Л. 3–5.
12. Сборник сведений и материалов по ведомству Министерства финансов: В 3 т. СПб., 1865. Т. 2. 630 с.
13. Сведения о питейных сборах: В 5 т. СПб., 1860–1861. Т. 1. 291 с.; Т. 5. 251 с.
14. Терский Н. С. Питейные сборы и акцизная система в России: исторический очерк и настоящее положение. СПб., 1890. 252 с.
15. Федоров В. А. Крестьянское трезвенное движение 1858–1859 гг. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1962. С. 107–126.

REFERENCES

1. Dzhanshiev G. A. Epoha velikih reform. Istoricheskie spravki. SPb., 1907. 855 s.
2. Dobroljubov N. A. Narodnoe delo. Rasprostranenie obshchestv trezvosti. Sobr. soch.: V 3 t. M., 1986. T. 2. 814 s.

3. Konstantin Karlovich Grot kak gosudarstvennyj i obshchestvennyj dejatel' (12 janvarja 1815 — 30 oktjabrja 1897): Materialy dlja ego biografii i harakteristiki: V 3 t. Pt., 1915. T. 1. 446 s.
4. Kratkij ocherk 50-letija akciznoj sistemy vzimanija naloga s krepkih napitkov i 50-letija dejatel'nosti uchrezhdenij, zavedyvajushchih neokladnymi sborami. 1863–1913. SPb. 1913. 295 s.
5. *Krischn D.* «Zabytaja reforma»: otmena vinnyh otkupov // Velikie reformy v Rossii. 1856–1874: Sbornik / Pod red. L. G. Zaharovoj, B. JEklafa, Dzh. Bushnella. M., 1992. S. 126–139.
6. *Lebedev V. A.* Pitejnoe delo. SPb., 1898. 106 s.
7. Ministerstvo finansov. 1802–1902. V 2 t. SPb., 1902. T. 1. 640 s.
8. Polozhenie o pitejnom sbore, Vysochajshe utverzhdennoe 4 ijulja 1861 g. SPb., 1862. 160 s.
9. *Pyzhov I. G.* Istorija kabakov v svjazi s istoriej russkogo naroda. Kazan', 1913. 285 s.
10. *Rech' P. P.* Semenova na prazdnovanii XXXVII godoviny osvobozhdenija krest'jan // Russkaja starina. 1898. № 4. S. 217–223.
11. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA). F. 574. Op. 1. D. 30. L. 3–5.
12. Sbornik svedenij i materialov po vedomstvu Ministerstva finansov: V 3 t. SPb., 1865. T. 2. 630 s.
13. Svedenija o pitejnyh sborah: V 5 t. SPb., 1860–1861. T. 1. 291 s.; T. 5. 251 s.
14. *Terskij N. S.* Pitejnye sbory i akciznaja sistema v Rossii: istoricheskij ocherk i nastojashchee polozhenie. SPb., 1890. 252 s.
15. *Fedorov V. A.* Krest'janskoe trezvennoe dvizhenie 1858–1859 gg. // Revoljucionnaja situacija v Rossii v 1859– 861 gg. M., 1962. S. 107–126.

В. А. Рубин

**ПАМЯТНЫЕ МЕСТА И СООРУЖЕНИЯ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА РОССИИ,
ПОСВЯЩЕННЫЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ:
ПРОБЛЕМЫ УЧЕТА, СОБСТВЕННОСТИ, ПОПУЛЯРИЗАЦИИ
И НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ
(на примере Оренбургской области)**

Статья посвящена анализу современных проблем развития военно-мемориальной сферы в Российской Федерации (на примере памятников Великой Отечественной войны приграничного региона — Оренбургской области). Автор заостряет внимание на эффективно решаемых на сегодняшний день вопросах учета и собственности памятных мест и сооружений, посвященных Великой Отечественной войне, а также приходит к выводу о необходимости комплексного научного исследования мемориальных объектов, которые за 65 лет после окончания войны превратились в своеобразный культурный институт, фундаментально способствующий сохранению исторической памяти о событиях 1941–1945 гг. и патриотическому воспитанию российских граждан.

Ключевые слова: история Великой Отечественной войны, мемориальное искусство Оренбургской области, охрана памятников истории и культуры.

V. Rubin

**RUSSIAN BORDER REGION MEMORIAL SITES AND CONSTRUCTIONS DEDICATED
TO GREAT PATRIOTIC WAR: THE ISSUES OF REGISTRATION, OWNERSHIP,
POPULARIZATION, AND STUDIES (ORENBURG REGION)**

An analysis of contemporary problems of the development of military and memorial sphere of the Russian Federation, particularly the monuments of Great Patriotic War in the border area of Orenburg region is presented. The paper is focused on the current problems which are effectively dealt with the registration and ownership of monuments and constructions dedicated to Great Patriotic War. A conclusion is made on the necessity of comprehensive scientific research of the memorial objects which, 65 years after the end of the war, became a sort of a cultural institute